

И.И. Стрекаловская

Русские масоны и Февральская революция*

Русские политические масоны сыграли большую роль в усилении революционной ситуации в конце 1916 – начале 1917 гг. и первыми воспользовались результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 г., тогда на заседании членов Государственной думы было принято решение об образовании Временного комитета Думы. В состав его вошли члены бюро Прогрессивного блока Думы и председатели думских фракций меньшевиков и трудовиков Н.С.Чхеидзе и А.Ф.Керенский. Одновременно в том же Таврическом дворце, где заседал Временный комитет Государственной думы, шло формирование другого руководящего центра, также претендовавшего на то, чтобы объединить все революционные и оппозиционные самодержавию силы. На собрании представителей различных социалистических партий, либеральной интеллигенции, членов социал-демократической и трудовой фракций Государственной думы, членов Рабочей группы Центрального военно-правительственного комитета было объявлено о создании Петроградского Совета рабочих депутатов, а затем об организации его Временного исполкома. Днем 2 марта в результате переговоров между Временным комитетом Государственной думы и Исполкомом Петросовета было создано Временное правительство. Всего в нем было 11 министров и среди них несколько

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 09-03-00299а «Идеология и процессы социальной модернизации».

ко очень влиятельных и активных масонов: князь Г.Е.Львов, А.И.Гучков, А.И.Коновалов, М.И.Терещенко, Н.В.Некрасов, А.И.Шингарев, а с марта 1917 г. эсер А.Ф.Керенский. Основной задачей Временного правительства объявлялась подготовка к проведению Учредительного собрания, призванного определить форму государственного устройства новой России. Согласно теоретическим представлениям членов Временного правительства, к власти в стране после свержения самодержавия должно было прийти правительство, составленное из представителей крупного и среднего российского капитала и либеральной интеллигенции. Создание же более радикального, революционного рабоче-крестьянского правительства они считали нарушением естественного хода исторического развития.

Восемь месяцев после Февральской революции – это период наибольшего влияния в России тайного политического союза, но сведений о нем в первые годы после революции было крайне мало. Только после Второй мировой войны стали появляться достаточно убедительные источники. Например, в фонде Гувера в США хранились интервью ряда видных масонов, эмигрировавших из России, которые можно было опубликовать лишь после смерти авторов. Теперь эти фонды открыты и свидетельства опубликованы. Многие документы хранятся в фонде Б.И.Николаевского там же, в архиве Гуверовского института (Стэнфордский университет, Калифорния, США), и публикуются с разрешения администрации архива¹. (Содержание архива: Записки о масонстве Б.И.Николаевского, Запись беседы с А.Я.Гальперном, Запись беседы с Е.П.Гегечкори, Запись беседы с Н.С.Чхеидзе, Запись беседы с П.Н.Милюковым, Запись беседы с Н.Д.Соколовым, Запись беседы с Т.А.Бакуниной, Запись беседы с М.С.Маргулиесом. 1 Приложение. Из зачеркнутого, Запись беседы с В.Я.Гуревичем, Запись беседы с Г.Аронсоном. 2 Приложение. Разговор с Б.Гуревичем, Запись беседы с В.М.Шахом, Заметки, Из писем. 3 Приложения «Д.Бебутов. Русское масонство XX в.», Г.Аронсон. «Масоны в русской политике», Митрополит Антоний «Послание о масонстве», Масоны в эмиграции. Из бумаг Н.П.Вакара. Именной указатель).

В Советском Союзе тема масонства была закрыта. Были лишь упоминания в академических статьях и монографиях, которые широкого отклика не вызывали, поскольку многие историки от-

дельвались по этому поводу общими фразами и сведения о масонстве давали, как правило, одной строкой. Только в 1970-е гг. был поставлен вопрос о российском политическом масонстве на повестку дня советской историографии. Пальма первенства здесь принадлежала видному специалисту по истории революции 1917 г. В.И.Старцеву, который занимался этой проблемой уже довольно давно. Еще в 1967 г. Старцев подал в академическое издательство «Наука» заявку на публикацию книги о российском дореволюционном масонстве, которая, разумеется, тогда хода не получила. И только когда со В.И.Старцева сняли клеймо «невыездного», он сумел побывать несколько раз в Великобритании и США, где в Гуверовском институте (Стэнфорд) познакомился с материалами по истории русских масонов XX в., собранными Б.И.Николаевским, поработал в Лондоне в библиотеке Великой объединенной Ложи Англии. Результатом этих научных командировок стала публикация серий статей и документов, которые положительно решали вопрос о существовании и деятельности политических масонов в России с 1906 по 1918 гг., в том числе таких видных, как А.Ф.Керенский, М.М.Ковалевский, В.А.Маклаков, М.И.Скобелев, П.Н.Суханов, Н.С.Чхеидзе. Наиболее подробно история этого общественно-политического феномена была освещена им в изданном в 1996 г. объемном учебном пособии «Русское политическое масонство начала XX в.». Важнейшей вехой на пути изучения проблемы масонства в России стал выход в свет в 2001 г. энциклопедического словаря «Русское масонство», подготовленного А.И.Серковым². Появление этого издания стало событием не только для исследователей этого феномена русской истории и для специалистов по российской биографике, но, без преувеличения, и для всей отечественной культуры³. А учитывая интернациональный характер масонства, его вовлеченность в международные научные, культурные, литературные отношения, можно сказать, что словарь этот приобретает исключительное значение не только для России и пространств, когда-то пребывавших в составе Российской империи, но и для многих людей, живущих в Западной Европе. На протяжении многих лет над темой масонства работали и такие историки, как О.Ф.Соловьев, А.Я.Аврех и С.П.Карпачёв и др. Но материалов по-прежнему крайне мало, и почти все авторы, пишущие о русском масонстве начала XX в., вынуждены в

качестве опорных моментов перебирать одни и те же цитаты, домысливая и догадываясь обо всем остальном. Они это прекрасно понимали: «Что же касается источников, то их действительно не так много <...> Упоминания о масонских связях А.Ф.Керенского, Н.В.Некрасова, М.И.Терещенко и А.И.Коновалова в воспоминаниях П.Н.Милюкова, вышедших в свет в 1955 г., и письма Е.Д.Кусковой, приведенные в книге Г.Я.Аронсона “Россия в эпоху революции” <...> мемуары И.В.Гессена и книга С.П.Мельгунова»⁴.

В семидесятые-восьмидесятые годы XX в. больших успехов, чем в России, достигли зарубежные ученые, и в те времена имевшие доступ к архивным источникам разных стран и возможность обобщить гораздо большее количество свидетельств и документов. Здесь можно назвать и книгу Н.Н.Берберовой⁵. В книге опубликованы архивные материалы (кн. Д.О.Бебутова, вел. кн. Н.М.Романова, А.И.Гучкова, Д.С.Навашина, Е.Д.Кусковой, А.И.Коновалова, А.Ф.Керенского, В.А.Маклакова и Г.Я.Аронсона). Также нужно назвать упоминаемого Берберовой американского ученого Натана Смита и польского историка Людвика Хасса, которым принадлежат наиболее серьезные работы о русском масонстве. Историю создания книги Нина Берберова довольно обстоятельно изложила в собственном предисловии. Добавить к этому можно только то, что в «Курсиве» она рассказывала, как Александр Иванович Хатисов, эмигрант в Париже и масон 33 градуса (вступил в «Великий Восток» (Франция) в 1926 г.), советовал ей «стать членом женской ложи и затем написать роман о современном русском масонстве»⁶. Книга была написана и встречена читателями очень хорошо. Их увлекла таинственная атмосфера недоговоренности и прочие атрибуты хорошей беллетристики, а специалиста – словарь и множество архивных сведений о русских масонах. Н.Н.Берберова пишет, что она лично была знакома с масонами первого поколения, средний возраст которых 80 лет. «Это были участники Февраля. Их осталось очень мало»⁷. Н.Н.Берберова проделала огромную работу, и для нее было важно, чтобы эту книгу мог прочитать русский читатель, поскольку, как предполагала она, «...о русском масонстве и о его роли в последние шестьдесят лет ничего написано не было. И на русский, из иностранных статей и книг, ничего не переводилось. В 1966 г. в одной из периодических публикаций я нашла первую статью о русском масонстве нашего столетия, напи-

санную бывшим масоном: Борис Элькин, в лондонском “*Slavonic and East European Review*” (июль 1966, № 34, с. 454–472), видимо, подчиняясь новым веяниям, дал сведения о тайном обществе в спокойном и беспристрастном изложении. Вскоре за этим в американском “*Slavic Review*” (декабрь 1968, № 27) появилась статья “Роль русского масонства в Февральской революции], за подписью Натана Смита, профессора новейшей европейской и русской истории (Вашингтон-Колледж, Честертаун, штат Мэриленд). Я написала ему письмо, мы встретились, и после того, как мы увидели, что мы оба заняты одной и той же темой, но с разных сторон подходили к ней, мы стали осведомлять друг друга о наших открытиях»⁸. Зимой 1983 г., после того как Н.Н.Берберова подготовила издание Биографического словаря, она уехала в Калифорнию и там в архиве Герберта Гувера работала над коллекцией Б.И.Николаевского⁹. Материалы архива А.Ф.Керенского оказались доступны для нее и проф. Натана Смита благодаря любезности Исследовательского Центра Гуманитарных наук Техасского университета в Остине. Советские историки, в том числе и В.И.Старцев, упрекали Берберову в том, что она как равноценным источникам «доверяет и упоминанию в записке Кандаурова, и очерку А.П.Лукина, в котором рассказывается о “декабристском” кружке в Гельсингфорсе перед Февральской революцией, и публикации в “*Journal officiel*”, осуществленной немцами осенью 1941 г., и застольным разговорам у М.Горького в Сорренто в середине 20-х гг. Поэтому, – говорил он, – по каждой фамилии, упомянутой в списке Берберовой, возможны споры»¹⁰. Еще более суров был по отношению к книге Н.Берберовой А.И.Серков: «История архива ложи Северная Звезда, или так называемого “Парижского архива русских масонов”, в изложении Н.Н.Берберовой совершенно не соответствуют действительности ...книгу Н.Н.Берберовой “Люди и ложи” бессмысленно критиковать, она полностью состоит из “легенд”, выдуманных самой журналисткой, и основывается на ее личных домыслах, а не на документах»¹¹. Другие упрекали автора и в том, что в книге мало фактов, зато очень много догадок, домыслов и размышлений, однако Н.Н.Берберову не волновали проблемы методологии, она сознательно допускала неточности в изложении, так как понимала, что создает не столько историческое исследование, базирующееся на документах, сколько сам документ.

Она хорошо осознавала, что если не зафиксирует сотни и тысячи только ей известных фраз, намеков, догадок и других мелочей, об этом не напишет уже никто.

Появление нового масонства в начале XX в. было вызвано тремя важными событиями: поражением России в русско-японской войне, революцией 1905 г. и открытием русского парламента, а также оформлением интеллигенции в особую социально активную и идеологически весомую силу. Люди в огромном своем большинстве между 1906 и 1913 гг. вовсе не искали коренных перемен, они искали мирного обновления страны. С чего же началось русское масонское движение в начале XX в.? Инициатива принадлежала известному историку и социологу Максиму Максимовичу Ковалевскому (1851–1916), прославившемуся своими трудами по истории европейской крестьянской общины. Значительную часть своей жизни он провел за границей. Ковалевский внес заметный вклад в развитие общественных наук. В 1895–1899 вышел в свет его капитальный труд «Происхождение современной демократии», который имел особое значение для русского читателя. В 1901 г. в Париже он основал «Высшую русскую школу общественных наук», среди слушателей был и молодой Луначарский, и, как пишет Берберова, «проф. Ковалевский отличал его и считал поборником свободы и демократии»¹². Его учеником и секретарем до последних дней жизни был знаменитый социолог Питирим Сорокин, после революции эмигрировавший в США и основавший свою школу в Гарварде, из которой вышли многие политические деятели США, включая президента Кеннеди. Ковалевский принадлежал к французскому масонству. По сведениям Берберовой, «к 1906 пятнадцать русских были при его содействии введены во французское Послушание Великого Востока. Среди них – В.А.Маклаков, Вас. Ив. Немирович-Данченко, А.В.Амфитеатов, В.О.Ключевский, изобретатель П.Н.Яблочков, кн. С.Д.Урусов, дипломат И.Г.Лорис-Меликов (племянник министра Александра III), гр. А.А.Орлов-Давыдов, присяжный поверенный М.С.Маргулиес. Все они, по-видимому, принадлежали к ложам “Cosmos” и “Mont Sinai”. Но именно Ковалевскому было предложено проявить инициативу и получить директивы для открытия первых лож в русских столицах»¹³. Судя по документам и воспоминаниям, инициатива исходила от самого М.М.Ковалевского. В статье Б.Элькина

есть факсимильное воспроизведение всех имевшихся у него документов. Он показывает письмо Максима Ковалевского Совету «Великого Востока» (Франция) с просьбой разрешить создание ложи в Москве или Петербурге. Письмо написано в Париже 11 января 1906 г. на французском языке. На письме имеется печать «Великого Востока» овальной формы. Внутри по овалу – надпись «Grand Orient de France № 766» и дата «13 января 1906». Там же Б.Элькин приводит ходатайство члена ложи «Верные друзья» М.М.Ковалевского председателю совета «Великого Востока Франции» от 11 января 1906 г. о получении временных полномочий, позволяющих «создать на Востоке Москвы или Петербурга правильную ложу, работы которой могут быть начаты позднее в законной форме назначенным вами делегатом»¹⁴. Итак, разрешение на открытие ложи в России было дано, и вся работа лож происходила в тесном сотрудничестве с французским масонством. Направлялись «братские» миссии из России во Францию и из Франции в Россию¹⁵. М.М.Ковалевский начал работать над расширением масонских лож. Всего их было открыто девять в городах, и велись переговоры об открытии новых. Материальный вопрос в первый период русского масонства никогда не стоял остро. А.А.Орлов-Давыдов, Д.О.Бебутов и другие отдавали братьям под храмы свои особняки и квартиры – их было у каждого по несколько. Ложи были санкционированы Р.Сеншолем и Ж.Буле («Великий Восток Франции») в июле 1908 г., а уже в ноябре конвент из обеих лож тайным голосованием выбрал Верховный совет, в который вошли С.Д.Урусов, Н.Н.Головин и М.С.Маргулис¹⁶. По правилам, если масонов в данной стране нет, учредителям приходится обращаться к масонской организации другой страны. После выдачи разрешения и соблюдения определенных правил (клятвы, посвящения, избрания руководителей ложи, наличия печати и прочей масонской атрибутики) вновь созданная ложа признается законной и входит новой ячейкой в центральную организацию, откуда исходило разрешение. Все эти условия, как видно из публикации Б.Элькина, были полностью соблюдены, и обе ложи стали частью масонской организации, именуемой «Великим Востоком Франции»¹⁷. Берберова пишет, что «Ковалевский был далек от всякой мысли о возможной революции. Вернувшись в Россию в 1906 г., он сначала создал газету, вскоре прикрытую, затем вступил

в партию “демократических реформ”, насчитывавшую в это время не то 4, не то 5 членов. Он был выбран в I Думу, но не прошел во вторую, и тогда повернулся лицом к Государственному Совету, в который едва прошел (из “академической курии”). Его ближайшими друзьями были и посвященные масоны, и сочувствующие профаны: Н.Н.Баженов, проф. С.А.Котляревский, В.Д.Кузьмин-Караваев, А.Ф.Аладьин, С.Д.Урусов, Н.Н.Львов, М.А.Стахович, Б.А.Энгельгардт. Его партия демократических реформ, доведя число своих членов до девяти, слилась с партией “мирного обновления”, само название которой отрицало всякую революцию. И в IV Думе эти друзья перешли в “прогрессивный блок”. Но в это время он уже был тяжело болен и в 1916 г. умер; в последние годы он руководил “Вестником Европы”. Незадолго до своей смерти он близко сошелся в Петербурге с французским послом Морисом Палеологом. У посла в 1914–1916 гг. собирались на вечерах кадеты из Думы, и Палеолог говорил с ними только об одном: “Продолжать войну с Германией, а все остальное может подождать”»¹⁸.

Итак, о роли масонов в 1917 г. С тех пор, как Александр I в 1822 г. объявил масонов вне закона, закончилась явная история русского масонства, но тайная новиковско-позднеевская традиция просуществовала еще практически столетие, пережила и новое масонство, не найдя с ним никаких точек соприкосновения. Поскольку русское масонство XX в., в отличие, например, от масонства века XVIII, практически не ставило перед собой задач просветительских, мистических и т. д., ограничиваясь почти исключительно политическими и карьерными соображениями, постольку неудивителен бросающийся в глаза после февраля 1917 г. разноречивый и противоречивый между членами ордена, которые еще недавно были куда более единодушны, теперь же, добившись верховной власти, забыли основные масонские правила, ибо никогда всерьез в них не верили. Вообще, вопреки широко распространенным представлениям, масонство не является движением, ставящим какие-то политические цели – цели его исключительно духовны. Масонство – нечто гораздо большее, чем общественная организация, оказывающая братскую помощь своим членам. Это образ жизни, и назначение его – нести духовные блага всем: как масонам, так и не масонам. Не является масонство и религией – это скорее духовный путь. Он ведёт к подобной же цели, хотя и

совсем иными средствами, более близкими западному человеку, поэтому западные ложи почти не признавали такого масонского движения в России.

Временное прекращение деятельности масонских лож между двумя революциями вызывает наиболее жаркие споры историков. В 1912–1915 гг. было вновь создано до 50 лож, действовавших до 1917 г., но они уже не были правильными, регулярными ложами, получившими признание у материнских французских лож. Именно это масонство было собственно политическим, «карбонарским», не придерживающимся обрядов и не задумывающимся о духовном совершенствовании¹⁹. На Западе исследователи этого периода считали, что в Париже о новых, нерегулярных ложах вообще вряд ли знали, по крайней мере историкам не удалось найти ни одного упоминания о таком факте. Косвенных свидетельств этому много – русские не приглашались на международные масонские мероприятия конца 1910-х гг.: ни на Конференцию масонских послушаний Союзных Наций в январе 1917, ни на Конгресс масонских послушаний Союзных и Нейтральных Наций в июне 1917 г. Это говорит скорее о том, что русские масоны-карбонарии к середине десятых годов были полностью предоставлены самим себе и не испытывали прямого давления французов по масонской линии. На том же настаивал Керенский: «Хотел бы подчеркнуть, что наше общество было неправильной масонской организацией»²⁰. Ему вторит Кускова, считая, что русское масонство преследовало лишь тактические цели и не имело ничего общего с иностранным²¹. О.Коростелев в своем очерке о книге Берберовой предполагает, что «Верховный Восток народов России» был создан на конвенте 1912 г. в Москве без согласия «Великого Востока Франции», т. е., по масонским правилам, незаконно, и впоследствии международным масонством признан не был. Об этом же говорит и сам А.Керенский: «Предложение о вступлении я получил в 1912 г. сразу после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычно прежде всего то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал

и масонская система степеней; была сохранена лишь неременная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структурах общества»²². Вероятно, именно поэтому многим русским эмигрантам в Париже после 1917 г. было отказано в приеме во французские ложи иначе как со степени ученика с предварительным формальным посвящением, что их возмутило, а Керенский вовсе отказался участвовать как во французском, так и в русском масонстве²³. Берберова в разных местах книги указывает несколько различных причин закрытия лож в начале десятих годов: «болтливость князя Бебутова», «департамент полиции стал сильнее нажимать», а чуть позже «пошли такие раздоры, что десять братьев пришлось временно «усыпить» (т. е. прекратить членство – *И.С.*). По мнению Натана Смита, в 1915 г. было «усыплено» не десять братьев, а десять или двенадцать лож, и связано это было с возникшими разногласиями по поводу ответственности правительства за военные поражения»²⁴. Но польский ученый Л.Хасс считает, что все регулярные русские ложи были «усыплены» еще в 1909 г., и поводом послужила излишняя разговорчивость отдельных масонов, в первую очередь князя Д.О.Бебутова и Н.Н.Баженова, вызвавшая обостренный интерес властей и очередную антимасонскую кампанию в правой прессе. Истинной же причиной было стремление очистить свои ряды от случайных и нежелательных элементов, осуществить своего рода переворот под благовидным предлогом.

Важно отметить, что масонские ложи 1906–1908 гг. и вновь созданные в 1912 г. все-таки были разные, задачи у них были диаметрально противоположные. Однако к новым условиям своего существования русское масонство 1912 г. приспособилось далеко не сразу – в течение первых 3–4 лет оно как бы еще только нащупывало для себя место в русской жизни среди действующих в России общественно-политических группировок. Дело было далеко не легкое. Старые задачи, которые вставали перед русскими масонами в предыдущий, парижский период их существования, теперь, при перенесении деятельности в Россию, сходили почти на нет. Власти весьма подозрительно относились к масонам и заго-

няли их в глубокое подполье, но это же подполье спасло масонские организации от вырождения. Взаимная борьба различных партий и фракций ослабляет силу общего натиска на самодержавие, поэтому лидеры нового масонства пришли к выводу, что важнее всего и прежде всего необходимо достичь хотя бы элементарного согласования действий групп среди единомышленников. Как им казалось, масонская организация больше всего подходит для такого внепартийного объединения, поскольку она является организацией вне- и надпартийной. В ложе могут встречаться руководители различных идейных направлений, но не как представители враждующих или по меньшей мере конкурирующих партий, а как члены одной и той же организации, требующей от них братского отношения друг к другу. Тайна масонских лож охранялась с величайшей осторожностью – были использованы приемы старой масонской конспирации и восстановлены в модернизированных, соответствующих духу времени формах. В организации существовали клятвы, «испытания» новых «братьев», вопрос о каждом новом кандидате предварительно тщательно рассматривался в ложах, о нем собирали сведения не только в отношении его политической благонадежности, но и моральной выдержанности, стойкости, верности раз данному слову. Все то в масонстве, что противоречило требованиям строгой конспирации, было изгнано из обихода русских лож; так, например, было упразднено ведение протоколов о заседаниях, всякого рода письменное делопроизводство было вообще отменено, и едва ли не единственным документом, хранившимся в письменном виде, был статут русских лож; он хранился особенно тщательно, его давали для прочтения каждому новому члену после его принятия в ложу, но копий с него снимать не позволялось. И вообще, по выражению Н. Берберовой, масоны руководствовались *«правом узаконенной лжи»*²⁵. Далее Берберова пишет: «1917 г. оказался для русских масонов апогеем их деятельности, но общество оставалось сугубо тайным, может быть, еще даже более засекреченным, чем до революции: в первый состав Временного правительства (март–апрель 1917) входили десять “братьев” и один “профан”, который многое понимал и о многом догадывался, но был занят самим собой, своей политической биографией и той “политической фигурой”, которую он “проецировал” в умах союзников. Это был, конечно, Павел Николаевич Милюков. Причина, по которой

он никогда не был масоном, довольно оригинальна, и вместе с тем логически вытекает из его житейской установки: он до того безмерно ненавидел всякий символизм, всякое “смутное значение” вещей, все полумистические, полумифологические ритуалы и намети, таинственные жесты, обряды и псевдорелигии рыцарей, и все вообще средневековые в целом, что стать масоном он никогда бы не мог, и даже думать о нем ему было в высшей степени противно. О том, что он позже узнал, наконец, с кем имел дело, свидетельствует следующий отрывок из его “Воспоминаний”, которые, кстати, редактировал после его смерти его душеприказчик и друг Б.И.Элькин, который одновременно был адвокатом в Лондоне в тяжбе Нины Васильевны Милуковой (второй жены П.Н.) с его сыном от первого брака: “Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым – и двумя неназванными министрами, Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического характера, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника. В политике оба последние министра – новички, и их появление в этой среде вызывает особые объяснения. Киевлянин Терещенко известен Набокову, как меломан в петербургских кругах; другой ‘министр-капиталист’, почти профессиональный пианист, ученик Зауэра, – на линии московского мецената. Терещенко берет, по ассоциации со своими капиталами, портфель министерства финансов; потом, столь же неожиданно, он становится дипломатом, без всякой предварительной подготовки. Природный ум и хорошее воспитание его выручают. Мой антагонист и преемник, он потихоньку ведет мою же политику, успешно надувая Совет рабочих депутатов, но к концу постепенно освобождается от своего левого гипноза и даже разрывает с Керенским. Фабрики фирмы Коноваловых славятся блестящей постановкой рабочего вопроса, и А.И.Коновалов с большим основанием занимает пост министра торговли и промышленности. Но он еще скорее рвет с марксистским социализмом, переходит к нам, к.-д. – в момент крайней опасности для Керенского вдруг оказывается (в третьей коалиции) на

посту его заместителя, отнюдь не имея для этого поста ни личных, ни политических данных. Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства»²⁶.

Б.И.Николаевский после многих бесед со старыми масонами описывает анкету, которую просили заполнить кандидата в масоны. В ней стояли следующие вопросы:

1. Как Вы относитесь к семье?
2. Как Вы смотрите на задачи человеческого прогресса?
3. Ваш взгляд на религию?
4. Какие пути и методы международных отношений Вы признаете?
5. Как Вы относитесь к войне?
6. Что Вы считаете необходимым делать в случае нападения на Россию?
7. Какую форму государственного управления Вы считаете наиболее желательной для России?

И т. д.

Вопросов, выяснявших отношение отвечающего к социализму и к рабочему движению, в анкете вообще не было, так же как не было и вопросов об отношении к революционным методам борьбы. В общем, и отдельные вопросы, и вся анкета в целом были составлены так, чтобы отвечающий мог сформулировать свою точку зрения на необходимость стремиться к превращению всего человечества в одну братскую семью, причем особенно сильно был подчеркнут момент пацифистский, отрицательного отношения к войнам как методам решения международных конфликтов. Это последнее обстоятельство тем интереснее, что выработка анкеты относится к 1909–1910 гг., когда вопрос о войне еще не стоял так остро, как позднее. Но эти ответы оказались совершенно недостаточными, когда война стала суровой действительностью. Интересно также, что антирелигиозный момент в русском масонстве не был подчеркнут – в этом было его существенное расхождение с масонством французским. Судя по рассказам, соответствующая группа вопро-

сов должна быть отредактирована так, что кандидату неизбежно приходилось в ответе подчеркнуть свою терпимость к религиозным взглядам всех верующих. Наоборот, вопрос о форме правления с самого начала подводил к максималистской в тех условиях позиции – к выявлению республиканских симпатий отвечающего.

В 1915–1916 открылось еще несколько лож, в том числе и «Думская ложа». В ней очень быстро оказалось около 40 человек. Она сразу же начала проявлять большую активность, скоро был составлен и список будущего правительства²⁷. Что касается Временного правительства, то его формирование не заняло у них много времени. Ведь предварительный состав его был обговорен еще в 1916 г. на совещании представителей оппозиционных думских фракций в номере Г.Е.Львова в петербургской гостинице «Астория» и опубликован в московской газете «Утро России» П.П.Рябушинского 13 августа 1915 г.²⁸. Окончательный же вариант распределения министерских портфелей был обсужден в ночь на 2 марта 1917 г. и получил полное одобрение на совместном заседании делегаций Петроградского Совета и Временного Комитета Государственной думы. Из принципиально новых лиц здесь фигурировал, пожалуй, только А.Ф.Керенский²⁹. 2 марта 1917 г. Петроградский Совет выразил официальную поддержку правительству в его шагах, направленных на борьбу с контрреволюцией, и усилиях по демократизации общественной жизни в стране. Сам механизм формирования Временного правительства и характер масонского участия в этом процессе хорошо показал Леонтий Дмитриевич Кандауров, эмигрант в Париже (ум.1936). После себя он оставил «Меморандум» о русском масонстве за границей. «Перед Февральской революцией, – свидетельствует он, – Верховный совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначил в Петрограде на случай волнений сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено. Многие из первых вошли в состав Министерства князя Львова и Керенского (в последнем все министры были членами лож); многие заняли места комиссаров Временного правительства»³⁰. Если же исходить из данных Биографического словаря русских масонов XX столетия Н.Н.Берберовой, то получается, что практически все министры – члены Временного правительства во главе с близким к кадетам князем Г.Е.Львовым (10 человек из 11)

были масонами: А.И.Гучков (октябрист), Н.В.Некрасов (кадет), А.И.Коновалов (прогрессист), М.И.Терещенко (беспартийный), А.И.Мануйлов (кадет), А.И.Шингарев (кадет), А.Ф.Керенский (трудовик), В.Н.Львов (центр.), И.В.Годнев (октябрист). «Белой вороной» здесь был, по-видимому, только министр иностранных дел П.Н.Миллюков. Поворотным пунктом масонского «хождения» во власть стала отставка князя Г.Е.Львова и назначение 8 (21) июля 1917 г. главой Временного правительства министра-председателя А.Ф.Керенского. Правительство в результате резко полевело, усилив тем самым и без того напряженное состояние в обществе. А.Ф.Керенский был центральной фигурой в русском политическом масонстве конца 1916–1917 гг. и занимал в нем ключевую должность Генерального секретаря «Верховного Совета Народов России». Этим, собственно, и объясняется не вполне обычный для непосвященных взлет карьеры А.Ф.Керенского и завидная активность его в февральско-мартовские дни 1917 г. Да и первое послереволюционное заседание «Верховного Совета Народов России» состоялось 2 марта 1917 г. не где-нибудь, а у него на квартире. «Безусловно, прав поэтому был старый и мудрый большевик В.Д.Бонч-Бруевич, когда писал в 1930 г. об А.Ф.Керенском, что он был “вспоен и вскормлен масонами, еще когда он был членом Государственной Думы и был специально воспитываем ими” в качестве наиболее подходящего кандидата на роль политического руководителя во время предстоящего движения за свержение самодержавия»³¹.

Последний российский император Николай II, вступивший на престол после смерти своего отца Александра III осенью 1894 г., не обладал, по мнению большинства современников, ни какими-либо талантами, ни дарованиями, ни способностями, которые необходимы, чтобы управлять огромной державой. Но несмотря на то, что он сам в значительной степени тяготился властью, Николай II даже мысли не допускал о возможности своего отказа от нее. На рубеже XIX и XX вв. он пытался сохранить в неизменности унаследованные от своего отца структуры и принципы самодержавной монархии, но уже в это время структура российского общества претерпела значительные изменения, и время требовало перехода от административно-полицейских методов управления страной к либерально-демократическим, создающим предпосылки к пере-

даче власти новым, формирующимся системам самоуправления и самоорганизации. Налицо явно обозначился кризис монархии. Военные поражения обострили внутривластные противоречия в российском обществе. Шовинистические и патриотические настроения, идея «славянской солидарности», возобладавшие в широких слоях общества в начале войны, уступили место растущей апатии и недовольству действиями властей. Возобновились антиправительственные выступления, постепенно начало нарастать антивоенное движение. В конце мая – начале июня 1915 г. в стране четко обозначился политический кризис. При его нарастании вплотную встал вопрос о включении в состав правительства представителей буржуазной оппозиции и увольнении наиболее дискредитировавших себя министров, в первую очередь тех, кого общественность обвинила в германофильстве и нежелании действовать согласованно с Государственной думой. 3 июня 1915 г. Николай II был вынужден уволить министра внутренних дел И.А.Маклакова, а в середине июня им было принято решение уволить министра юстиции И.Г.Щегловитова и военного министра В.А.Сухомлинова. Однако во главе Совета министров по-прежнему оставался назначенный в январе 1914 г. 75-летний И.Л.Горемыкин, ярый реакционер. В этот период огромное влияние на государственные дела получил Григорий Распутин, пользовавшийся безграничным доверием царицы. Александра Федоровна с момента отъезда Николая II в Ставку и вплоть до февраля активно вмешивается в принятие государственных решений, руководствуясь в основном советами «старца». Постепенно фигура Распутина стала олицетворением полного разложения царского режима власти. Убийство Г.Распутина, совершенное в ночь на 17 декабря 1916 г. группой заговорщиков (князь Ф.Ф.Юсупов, лидер черносотенцев В.М.Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович, врач Лазоверт и др.), было встречено всеобщим ликованием. Однако это не изменило характера политики царского правительства. Все большая часть общества начинала приходить к выводу, что дело не в «распутинщине», а в самодержавии.

Революция в России произошла в начале 1917 г. Переворот был совершен массовым выступлением рабочих петроградских заводов и воинских частей, расположенных в столице. Это был отнюдь не бунт бедноты. Речь шла о рабочих крупных военных заводов.

Они были освобождены от мобилизации и получали оплату значительно выше средней. Присоединившиеся к ним войска не были воевавшими частями. Их только готовили к отправке на фронт, и многие из них этого не хотели. Как стало возможным это массовое выступление, которое смело власть, фактически неизвестно. Историк Георгий Михайлович Катков пишет: «Когда мы говорим, что Февральская революция произошла стихийно, мы фактически говорим, что не знаем, как она произошла»³². Перед этим массовым выступлением власть капитулировала без борьбы. Царь отрекся в пользу брата, который сразу же тоже отрекся. Министры были арестованы. Здесь совершился перелом в истории России, во многом предопределивший ее дальнейшее течение. И по поводу этого события имеется множество свидетельств, указывающих на влияние масонства, а в некоторых случаях – на его решающую роль. Вообще в масонском Верховном совете существовало два взгляда на пути изменения существовавшего тогда строя. Одна группа исходила из метода политической агитации и эволюционного изменения. Так были ориентированы и постановления Верховного совета. Но была группа, пропагандировавшая насильственный путь смены власти. Ее влияние росло с неудачами России в войне, но оба течения сходились на том, что категорически были против революции типа народного восстания. Они называли ее «неуправляемым хаосом» и считали, что именно их действия могут ее предупредить. Само центральное событие – выступление в Петербурге больших масс рабочих и солдат – было совершенно противоположно масонской идеологии. Но то, что это массовое выступление не встретило практически никакого сопротивления, что власть мгновенно рассыпалась, является результатом подготовительной работы, в которой роль масонства была очень велика. Многие руководящие военные и политики были вовлечены в упомянутые выше «масонские заговоры» или знали о них и сочувствовали им. Поэтому вести о событиях, произошедших в Петербурге, воспринимались как осуществление неизвестной дотоле детали заговора и не вызывали никакого сопротивления.

Ни Временное правительство, ни Петроградский Совет рабочих депутатов почти никакой реальной властью не обладали – господствовала анархия. Но эти два центра видимой власти больше всего опасались «реакции» и главную опасность видели в армии.

Поэтому первые месяцы после Февральской революции значительные усилия были направлены на ослабление армии, создание и там того же уровня анархии, который господствовал в столице. Первым и имевшим громадные последствия действием был так называемый «Приказ № I»³³ от 1 марта 1917 г. Это был приказ о радикальной демократизации внутренней жизни в армии и на флоте. В нем предписывалось каждой воинской части подчиняться выбранному ею комитету. Оружие следовало отдать под контроль этих комитетов и не выдавать его офицерам «даже по их требованию». «Приказ» означал конец всякой дисциплины. Он был санкционирован Временным правительством и Петроградским Советом. Разрушение армии происходило все время: например, верховному командованию было предписано произвести чистку генералитета и уволить несколько сот генералов «консервативных взглядов». В результате ряда подобных действий армия стала небоеспособной.

Однако, занятые укреплением своих сфер влияния и власти, оба органа забыли о самодержце. Теперь, 2 марта, Временный комитет вступил в переговоры с Николаем II, находящимся в Пскове, для получения формального отречения от престола. Предполагалось добиться решения «династического вопроса» в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. В ночь с 2 на 3 марта царь подписал манифест об отречении за себя и за Алексея в пользу Михаила Александровича, объяснив это тем, что не хочет подвергать опасности своего сына. Тем самым нарушался закон о престолонаследии, по которому каждый член царской фамилии мог отречься только сам за себя, и появлялась возможность в будущем объявить такое отречение недействительным. Для большинства членов Комитета стало вполне очевидно, что попытка сохранить таким образом монархию приведет к взрыву недовольства революционных масс и кровопролитию. В полдень 3 марта великий князь Михаил Александрович после длительного совещания с думскими лидерами и членами Временного правительства подписал акт об отречении, в котором говорилось о его согласии принять корону лишь в том случае, если таково будет решение Учредительного собрания³⁴.

Члены Временного правительства не смогли друг с другом договориться даже относительно судьбы Николая II и его семьи. Спонтанность и непродуманность действий членов Временного

правительства, отсутствие четкого плана привело к тому, что отречение Николая II, как это ни парадоксально, осложнило и без того непростую ситуацию. Более подробно это происходило так: А.И.Гучков и В.В.Шульгин прибыли в Псков вечером 2 марта, сообщили, что в Петрограде нет воинской части, на которую можно было бы положиться, и подтвердили необходимость отречения царя от престола. Николай II заявил, что такое решение им было уже принято, но теперь он изменяет его и уже отрекается не только за себя, но и за наследника. Данный акт Николая II нарушал коронационный манифест Павла I от 5 апреля 1797 г., который предусматривал, что царствующее лицо имеет право отречься от престола только само за себя, а не за своих наследников. Новый вариант отречения Николая II от престола был принят А.И.Гучковым и В.В.Шульгиным, которые просили его только о том, чтобы до подписания акта отречения царь утвердил указ о назначении Г.Е.Львова премьер-министром формируемого нового правительства, а великого князя Николая Николаевича вновь верховным главнокомандующим. Когда Гучков с Шульгиным возвратились в Петроград с манифестом отрекшегося от престола Николая II, то они встретили сильное недовольство революционных масс этой попыткой думских деятелей сохранить монархию. Здравница в честь «императора Михаила», провозглашенная Гучковым по прибытии из Пскова на Варшавском вокзале Петрограда, вызвала столь сильное негодование рабочих, что они пригрозили ему расстрелом. На вокзале был обыскан Шульгин, который, однако, успел тайно передать текст манифеста об отречении Николая II Гучкову. Рабочие требовали уничтожить документ, немедленно арестовать царя и провозгласить республику. Утром 3 марта состоялось свидание членов думского комитета и Временного правительства с Михаилом Александровичем. Родзянко и Керенский доказывали необходимость его отказа от престола. Последний говорил, что негодование народа слишком сильно, новый царь может погибнуть от народного гнева, а с ним погибнет и Временное правительство. Однако Милюков настаивал на принятии короны Михаилом, доказывая необходимость сильной власти для укрепления нового порядка, а такая власть нуждается в опоре – «привычном для масс монархическом символе». Временное правительство без монарха, как говорил Милюков, является «утлой ладьей, которая может потонуть в

океане народных волнений»³⁵; оно не доживет до Учредительного собрания, так как в стране воцарится анархия. Прибывший вскоре на совещание Гучков поддержал Милюкова. Милюков в запальчивости даже предлагал взять автомобили и ехать в Москву, где провозгласить Михаила императором, собрать под его знаменем войска и двинуться на Петроград. Такое предложение явно грозило гражданской войной и испугало остальных собравшихся. После продолжительных обсуждений большинство высказалось за отречение Михаила. Михаил согласился с этим мнением и в 4 часа дня подписал составленный В.Д.Набоковым и бароном Б.Э.Нольде манифест о своем отказе от короны. В манифесте, обнародованном на другой день, говорилось, что Михаил «принял твердое решение лишь в том случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского»³⁶. Михаил обращался к народу с призывом подчиняться Временному правительству, облеченному всей полнотой власти. Письменные заявления о поддержке Временного правительства и об отказе от претензий на царский престол сделали и все члены царской фамилии. 3 марта Николай II направил Михаилу телеграмму. Именуя его «императорским величеством», он приносил извинения, что «не предупредил» его о передаче ему короны. Весть об отречении Михаила была воспринята отрекшимся царем с недоумением. «Бог знает, кто надумил его подписать такую гадость»³⁷, – записал Николай в дневнике. Бывший император направился в Ставку в Могилев. Еще за несколько часов до подписания акта отречения от престола Николай снова назначил на должность Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича. Однако Временное правительство назначило вместо него на эту должность генерала А.А.Брусилова. 9 марта Николай II со свитой вернулся в Царское село. По распоряжению Временного правительства императорская семья содержалась под домашним арестом. Петроградский Совет потребовал суда над бывшим царем и 8 марта принял даже постановление о заключении его в Петропавловскую крепость, но Временное правительство отказалось его выполнить. В связи с нарастанием антимонархических настроений в стране свергнутый царь просил Временное правитель-

ство отправить его с семьей в Англию. Временное правительство обратилось к английскому послу в Петрограде Джорджу Бьюкенену запросить об этом британский кабинет. П.Н.Милюков при встрече с царем заверил его, что просьба будет удовлетворена, и даже советовал ему готовиться к отъезду. Бьюкенен запросил свой кабинет. Тот сначала выразил согласие предоставить в Англии убежище свергнутому русскому царю и его семье. Однако против этого поднялась волна протеста в Англии и в России, и король Георг V обратился к своему правительству с предложением отменить это решение. Временное правительство направило просьбу французскому кабинету предоставить убежище царской семье во Франции, но также получило отказ со ссылкой на то, что это будет отрицательно воспринято общественным мнением страны. Так потерпели неудачу попытки Временного правительства отправить бывшего царя и его семью за рубеж. 13 августа 1917 г. по распоряжению Временного правительства царская семья была отправлена в Тобольск.

Основным вопросом, требовавшим незамедлительного решения, являлась проблема продолжения кровопролитной войны. Правительство Г.Е.Львова, провозгласив верность России союзническому долгу и дальнейшее участие ее в войне на стороне Антанты (нота Милюкова от 18 апреля 1917 г.), вызвало мощную волну возмущения³⁸. В своем очерке о Керенском Н.Берберова приводит любопытный момент: «Когда В.А.Маклаков спрашивал: “В чем мы ошиблись?”», Керенский всегда отвечал: “Мы никогда не ошибались”»³⁹. Далее она пишет: «Зная его лично около сорока лет, я не всегда была уверена, что он действительно так считает. Он часто старался, иногда примитивно, а иногда и обдуманно, сбивать своих противников, и надо признать, что в большинстве случаев это удавалось ему ... В своей последней книге Керенский говорит о своем масонстве, но не много... он обошел молчанием причины, по которым между январем и августом 1917 г. в Россию приезжали члены французской радикально социалистической партии, которая во Франции в это время быстрым шагом шла к власти. Эти люди приезжали к нему напомнить о клятве, данной им при принятии его в члены тайного общества в 1912 г., в случае войны никогда не бросать союзников и братьев по Великому Востоку, тем самым не давая ему абсолютно никакой возможности не только стать соучастником тех, кто желал сепаратного мира, но и обещать его»⁴⁰.

18 апреля 1917 разразился первый правительственный кризис, завершившийся образованием 5 мая 1917 первого коалиционного правительства с участием социалистов. В новом правительстве 10 мест было у буржуазных партий, 6 – у социалистов. В состав вошли в т. ч. лидер эсеров В.М.Чернов, лидер меньшевиков И.Г.Церетели. Керенский занял пост военного и морского министра. Однако, несмотря на это, стабилизировать положение так и не удалось. Партии эсеров и меньшевиков получили возможность реализовать свои программные цели. По их инициативе 6 мая 1917 была обнародована декларация, в которой Временное правительство обещало подготовить радикальную аграрную реформу. Однако эти намерения ограничились обещаниями.

Боясь потерять доверие народа, эсеро-меньшевистские лидеры вынуждены были принять на съезде решения о проведении 18 июня общеполитической демонстрации под знаком доверия Временному правительству. Она прошла под лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!». Под этими же лозунгами прошли демонстрации в Москве, Минске, Иваново-Вознесенске, Твери, Н. Новгороде, Харькове и др. городах. Июньская демонстрация показала, как писал В.И.Ленин, что «кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию...»⁴¹. Июньские волнения не вылились в кризис буржуазной власти, но они выявили крепнущее единство требований и действий рабочих и солдат, возросшее влияние партии большевиков в массах. Причины их возникновения не были устранены. Левые силы, прежде всего представители революционной демократии в составе Советов, требовали от правительства немедленных реформ и мира «без аннексий и контрибуций». Следствием июньских событий явились Июльские дни 1917. 4 июля 1917 Временное правительство ввело в Петрограде военное положение, начало преследование большевиков, расформировало части, принимавшие участие в демонстрации 3 июля 1917, ввело смертную казнь на фронте. В разгар этого кризиса финский сейм провозгласил независимость Финляндии от России. 24 июля было сформировано второе коалиционное правительство, председателем стал Керенский. Он стал проводить политику лавирования между основными политическими силами страны, которая, однако, вызвала недовольство в обоих лагерях.

Завершающим актом Временного правительства в деятельности по упразднению старых органов власти явились постановления от 6 августа о роспуске Государственной думы и признании полномочий Государственного совета утратившими силу. 12–15 августа состоялось созванное Временным правительством Государственное совещание в Москве. 1 сентября, не дожидаясь решения Учредительного собрания о форме государственного правления в России, Временное правительство издало Постановление о провозглашении России республикой. В Постановлении говорилось: «Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику»⁴².

С целью противодействия Петросовету и пытаясь вести прежнюю «надпартийную» линию, Керенский сформировал Временный Совет пяти, или Директорию; в ней масонами были все, кроме А.В.Карташева⁴³. 14 сентября было открыто Всероссийское демократическое совещание с участием всех политических партий, именно оно должно было решить вопрос о власти, но большевики его демонстративно покинули. Осенью 1917 г. большинство государственных институтов России находилось на грани распада, а вертикаль исполнительной и законодательной власти оказалась практически парализована. Сформированное Керенским 25 сентября 1917 г. третье коалиционное Временное правительство уже не контролировало ситуацию в стране. Большевики же с их простыми, доступными лозунгами заметно усилили свое влияние в массах. В.И.Ленин на 1 Съезде Советов открыто заявил, что его партия готова немедленно взять власть целиком. Это было подкреплено мощными демонстрациями в поддержку Советов, где преобладали большевики. 26 октября 1917 в 2 часа 10 минут Временное правительство было арестовано. Большевики захватили власть с ничтожными силами, не встретив никакого сопротивления. Таким образом, после крушения монархии в России постфевральская революционно-демократическая либерально-центристская государственность оказалась нежизнеспособной.

Строй, установленный большевиками, был назван «диктатурой пролетариата». Этому термину Ленин дал следующее определение: власть, осуществляемая партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами. Его близкий соратник Пятаков

разъяснил, что главное – в «несвязанности никакими законами». Он пишет: «Все, на чем лежит печать человеческой воли, не должно, не может считаться неприкосновенным, связанным с какими-то непреодолимыми законами... Тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля»⁴⁴. Это и есть та идеология, в которой политический террор был лишь одной из деталей. Этой идеологии беззакония и террора противостояла либеральная, основанная на примате закона идеология организационно слабых, интеллигентских по сути сил. Масонство смогло объединить их, но масонская идеология – это всегда нравственная утопия, рассчитанная на долгий бой, независимо от степени политизированности ее адептов, бессильная в открытом и наглом захвате власти. Пытаясь выявить причины резкого уменьшения влияния масонов на события уже со второй половины 1917 г., В.И.Старцев называет, в частности, возвращение из эмиграции и ссылки большой группы «политиков высшего класса», к масонским организациям неприсоединенных: Г.В.Плеханова, Е.К.Брешко-Брешковской, Н.Д.Авксентьева и других. Но он достаточно высоко оценивает роль масонов в этот период: «“Верховный Совет народов России” был хотя и тайным, но весьма действенным институтом формирования общественного мнения и оппозиционных настроений»⁴⁵.

Американский ученый Натан Смит, суммируя высказывания на эту тему, писал: «Все масонские источники единодушны в том, что организация распалась и потому не оказала влияния на политическую жизнь страны»⁴⁶. Причины этого историки обсуждают в деталях, но в главном склонны скорее согласиться: «Политическая организация, являвшаяся одним из орудий оппозиции царизму, потеряла смысл с его свержением»⁴⁷. В.И.Старцев не присоединился к столь суровой критике, высказав свою точку зрения, которая, как он подчеркивает, является результатом его собственного посильного изучения проблемы. Обратив «внимание читателя на имеющиеся факты», автор приходит к выводу, что не следует преувеличивать влияние масонской организации (называвшей себя «Верховным Советом Народов России») на политическую жизнь страны даже накануне Февральской революции, а тем более на массовое революционное движение. Однако существование этой организации дает дополнительные свидетельства степени организованности

русской буржуазии перед революцией, ее гибкости перед лицом военно-полицейской машины самодержавия. Деятельность этой организации интересна также и в плане попытки русской буржуазии подчинить своему влиянию и революционное движение в стране. масонские связи быстро рвались под влиянием могучего дыхания революции. Подлинным вождем революционных масс стали большевики.

Примечания

- ¹ См.: *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. М., 1990.
- ² *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. словарь. М., 2001.
- ³ *Витенберг Б.* Между мистикой и политикой: российское масонство в начале XX в. (обзор новых книг о русском масонстве) // НЛЮ. 2004. № 70.
- ⁴ *Старцев В.И.* Российские масоны XX в. // Вопр. истории. 1989. № 6. С. 34–35.
- ⁵ *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997.
- ⁶ *Берберова Н.* Курсив мой. N.Y., 1983. Т. 1. С. 364.
- ⁷ *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 9.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Старцев В.И.* Российские масоны XX в. С. 40.
- ¹¹ *Серков А.И.* История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 5–6.
- ¹² *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 18.
- ¹³ Там же. С. 22.
- ¹⁴ Там же. С. 388.
- ¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹⁶ *Коростелев О.* Книга «Люди и ложи» и ее автор // *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 388–389.
- ¹⁷ *The Slavonic a East European Review* // Quly. L., 1966. Vol. 44. № 103. P. 454–472.
- ¹⁸ *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 25.
- ¹⁹ *Аврех А.Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 320.
- ²⁰ *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. N.Y., 1965. P. 88–89.
- ²¹ *Slavic Review.* 1968. Dec. P. 606–607.
- ²² Цит. А.Ф.Керенского из книги *Г.Аронсона* «Россия накануне революции» Нью Йорк, 1962, эта же цит. приводится в кн: *Kerensky A.* Russia of History. Turning Point. 1966. P. 90–91.
- ²³ *Коростелев О.* Книга «Люди и ложи» и ее автор. С. 397.
- ²⁴ Там же. С. 396.
- ²⁵ *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 14.
- ²⁶ *Милуков П.* Воспоминания. Т. 2. С. 332–333. Цит. по: *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 31.

- 27 *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 31.
- 28 *Аврех А.Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 145.
- 29 Там же. С. 150.
- 30 *Старцев В.И.* Российские масоны XX в. С. 42.
- 31 Цит. по: *Аврех А.Я.* Масоны и революция. С. 148.
- 32 *Зуев М.Н.* История России. Учебник для вузов. М., 1998. С. 103.
- 33 *Шафаревич И.Р.* Политическое масонство в русской революции: Докл. на конф. «Ложи, лобби, секты». Милан. 15 мая 1999 г. halkidon2006.narod.ru.
- 34 *Зуев М.Н.* История России. Учебник для вузов. С. 105–106.
- 35 *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция (от новых источников к новому осмыслению). М., 1992. С. 89.
- 36 Там же. С. 95.
- 37 Там же. С. 98.
- 38 *Зуев М.Н.* История России. Учебник для вузов. С. 107.
- 39 *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 282.
- 40 Там же. С. 282–284.
- 41 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 32. С. 362.
- 42 *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. М., 1992. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция (от новых источников к новому осмыслению). Сб. тр. РАН. М., 1992. С. 76.
- 43 *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 14.
- 44 Цит. по: *Шафаревич И.Р.* Политическое масонство в русской революции: Докл. на конф. «Ложи, лобби, секты». Милан. 15 мая 1999 г. halkidon2006.narod.ru.
- 45 *Старцев В.И.* Российские масоны XX в. С. 49.
- 46 *Smith N.* Political Freemasonry in Russia. 1906–1918: A Discussion of the Sources // *Russian Review*. 1985. Apr. P. 168.
- 47 *Соловьев О.Ф.* Русское масонство 1730–1917 гг. М., 1993. С. 261.